

Беспечные чудеса не познают.
Александр Ходоровски

1

Когда море хмурилось, жители острова только покачивали головами.

— Соганай-на, — говорили старики. — Ничего не поделаешь!

— Соганай-на, — вторили им дети, еще не понимавшие смысла этих слов.

Ясно было одно: все, что приходило с моря, было предметом сделки с богами, повелевавшими погодой и морскими волнами. В холодное время года волны вздымались могучими валами, достигавшими порой шестнадцати метров.

Остров умел ждать. Зимой он погружался в особенное, древнее уединение, напоминавшее о давних временах, когда человек противостоял стихии и неизменно терпел поражение в столкновениях с ней. Из всех кораблей, отходивших с материка в сторону скалистого берега острова, едва ли десятая часть достигала цели.

В ту памятную, необычайно суровую зиму, суда с продовольствием для новогодних столов выходили

в море одно за другим, но никто не мог с уверенностью сказать, смогут ли они причалить к берегу или будут вынуждены задержаться на соседнем острове. Островитяне целыми днями лениво сидели перед экранами телевизоров, настроившись на особый канал, по которому круглосуточно показывали трансляцию с камеры наблюдения, установленной на причале. Дети грезили красно-белым рулетом камабоко и черными бобами куро-маге. Пожилые женщины уже целый год ждали икру сельди и ростки кувая. Мужчины жаждали выпить сакэ, чтобы проводить старый год и встретить в забвении новый. Камеру установили несколько лет назад для наблюдения за морем. Если набережную захлестывали волны и вокруг бушевал океан, то с большой долей вероятности можно было предположить, что и в этот день события пойдут по привычному сценарию.

Зиму того необыкновенного года жители острова провели, затаив дыхание. Наконец, двадцать девятого декабря случилось чудо и наступило затишье. С соседнего острова в море вышли корабли и выстроились вереницей. Они везли ящики, наполненные всем необходимым для приготовления традиционных новогодних блюд, а также сезонными плодами и готовыми угощениями.

Когда пришло известие о том, что суда получили долгожданное разрешение и отчалили, Сохара Мамору был дома у госпожи Хасегавы. Она вот уже тридцать лет передавала официальные сообщения из внешнего мира.

— Корабли отчалили! — воскликнула госпожа Хасагава, выглянув из гостиной. На шее у нее висели большие наушники, предназначенные для приема радиосигналов. Ответа не последовало, и она вышла в сад. Господин Сохара стоял на лестнице, приставленной к крыше, и конопатил шифер. — Корабли отчалили! — повторила она громче.

— Наконец-то, — сказал Сохара и стряхнул стружку. Он заделал трещины, как следует конопатил щели паклей и теперь собирался красить аккуратно выложенную новую черепицу. — Осталось только покрасить...

— Это можно сделать завтра, если хочешь, или ближе к вечеру.

— Ладно, сейчас спущусь. Подвезти тебя до порта?

— Спасибо, я поеду на своей машине. Надо заехать к сестре на обратном пути.

Новость о прибытии кораблей быстро разлетелась по деревне, перескакивая с крыши на крышу, из дома в дом, из машины в машину и залетая в ресторан. Автомобили, фургоны и мотоциклы заполнили центральную улицу, выстроившись в торжественную процессию. Машины стремительно неслись по извилистым улочкам с единственной вулканической горы, величественно возвышавшейся над островом. Когда шестилетний Коэру впервые увидел его с палубы корабля, он воскликнул: «Остров — это гора!» Пляжей здесь не было. При взгляде с разных ракурсов остров напоминал то шоколадную конфету, то пудинг, которому придали остроконечную

форму чайной ложкой, а то и врытый в землю кулак с торчащей костяшкой пальца.

По улицам текли потоки автомобилей и пешеходов, словно радужная лава, стекающая с вершины спящего вулкана к морю. Все были охвачены каким-то особым волнением.

К бригаде из тридцати человек, которые обычно разгружали корабли, присоединилось еще человек сорок. Попутный ветер подгонял суда с контейнерами, но следовало торопиться, пока волны снова не поднялись. В тот день на остров прибыл весьма необычный груз, предвещавший скорое наступление Нового года и требовавший участия всех жителей.

Сохаре было уже за шестьдесят, но он привык к тяжелой работе. Он ловко спустился с крыши госпожи Хасегавы, положил на место ящик с инструментами и, попрощавшись с хозяйкой, стоявшей у двери, поспешил в порт. Сняв с ремня пояс с торчавшими из него отвертками и плоскогубцами, Сохара положил его на пассажирском месте, повернул ключ, и грузовичок тронулся.

С главной улицы, пересекавшей остров и объединявшей все его части, Сохара увидел, как солнечный луч упал на берег, где находилась единственная набережная, служившая портом. Появилась радуга, и Сохара подумал, что, наверное, праздник состоится.

Слово «минато», означавшее «порт», прижилось на острове несмотря на то, что причал, к которому подхо-

дили суда, настоящим портом, конечно же, не был. Когда на горизонте возникли корабли, слышались восторженные крики.

В сказках о далеких странах молодой юнга на мачте всегда первым замечает сушу. Ребенок, сидевший на плечах у отца, тоже первым увидел корабли. Его пальчик указал на черную точку на горизонте, и тут же рядом с ней появились еще три точки. В сказках юнга обычно кричит: «Земля!» — но из уст мальчика прозвучало:

- Корабль! Я вижу его!
- Что?
- Корабль! Нет, их несколько!
- Мой сын увидел корабли!

Недоуменные возгласы: «Где, где они?» — вскоре сменились радостными криками тех, кто тоже заметил корабли и указывал на горизонт:

- Вон там! Видите?

Встречающие пришвартовали суда прочными канатами и подготовили сходни и тележки. После двух часов работы разгрузку закончили. Вскоре поднялись волны, и остров вновь превратился в отдаленную точку, отрезанную от внешнего мира.

2

Все ветшает и ломается. Люди, как и вещи, приходят в негодность, Сохаре это было хорошо известно. Брак родителей Сохары развалился. Его мать Ханакo — уроженка острова — была обещана в жены своему однокласснику, отпрыску одного из самых благородных семейств тамошнего общества. Однажды ночью она сбежала из дома и незаметно от хозяина рыбацкой лодки спряталась там. Всеми правдами и неправдами она упростила рыбака высадить ее где-нибудь подальше. Но далеко уйти не успела. В ту ночь рыбак возвращался с богатым уловом, и в лодке почти не оставалось свободного места. Он высадил девушку на соседнем острове. Через сутки туда прибыл ее отец и забрал дочь, прежде чем Ханакo успела сесть на очередной корабль, надеясь добраться до большой земли. При встрече с дочерью, отец отвесил ей такую оплеуху, что девушка упала на причал и сломала зуб. Из-за этого мать Сохары сделалась похожей на маленькую трудолюбивую мышку со сколотым передним зубом.

В итоге женщина смирилась и вышла за одноклассника. Однако ходили слухи, что ребенка она родила не от мужа, а от парикмахера, к которому устроилась на работу вскоре после свадьбы. Ханako научилась стричь секущиеся кончики волос, делать объемные прически, завивать и выпрямлять волосы, а также окрашивать их в разные цвета, следуя веяниям моды и предпочтениям клиенток. Зная ее характер никогда не просили у госпожи Сохары сложную стрижку. Они понимали, что женщине, охотно взявшей у законного мужа только фамилию, лучше не перечить. «Сохара хорошо звучит! Мне нравится!» — говорила она.

Разумеется, это были лишь сплетни и слухи, без которых на крошечном острове жить просто невозможно. Тем более что они всегда затихали сами собой ради мирного сосуществования его обитателей. И все же Сохара Мамору был совсем не похож на отца. В итоге внешность ребенка стала одной из причин распада семьи: с каждым годом черты лица Сохары приобретали новые особенности и все сильнее отличались от отцовских.

Когда Мамору исполнилось четыре года, отец нашел работу на материке и больше на остров не возвращался. Иногда он писал родным, но жене оставил только две вещи: фамилию и дом, в котором она жила с сыном.

За последующие двадцать лет остров покинуло столько жителей, что его население уменьшилось вдвое, будто пораженное безымянной лихорадкой. Члены семейства Сохара, некогда включавшего каждого пятна-

дцатого жителя острова, и вовсе исчезли. Из представителей этого рода остались только мать с ребенком.

Но несмотря ни на что, детство у Мамору было счастливым. Его мать, в отличие от большинства женщин своего поколения, не боялась одиночества. Она с головой ушла в работу и так увлеклась парикмахерским ремеслом, что переняла дело своего учителя, заразившегося континентальной лихорадкой и переехавшего в крупный город на северном побережье Японии.

На протяжении тридцати лет эта парикмахерская оставалась единственным местом на острове, где можно было постричься. Именно возле салона матери много лет спустя Сохара встретил женщину, которая впоследствии стала его женой. Все события, имевшие для него значение, произошли на территории крошечного острова площадью четыре квадратных километра. Все близкие ему люди появлялись на свет, жили или умирали на этой земле.

Скрипящие ставни, перекошенные двери, заедающие замки, прохудившиеся крыши. Берешь молоток, выкручиваешь старый болт из балки, вставляешь новый, счищаешь ржавчину, извлекаешь гнездо личинок или вырезаешь целый кусок, чтобы в следующий раз устраивались в другом месте.

Сохара рано научился исправлять все, что выходило из строя. В детстве он с любопытством изучал мир предметов. К тому же он был «единственным мужчиной в семье», о чем ему часто напоминали подруги матери. Осо-

бенно живо его интересовало внутреннее устройство вещей: ему хотелось узнать, на чем держится дом, как собираются столы и шкафы, как проложить проводку и провести канализацию.

«Если неполадку можно поправить, это надо делать сразу! — говаривала мать. По дому она с удовольствием управлялась сама, его ни о чем не просила, зато научила сына самостоятельности, потому что на острове нельзя полагаться на других. — Не будешь приносить пользу, пропадешь».

Все ломается, приходит в негодность, пропадает. Вот и тепло растворяется в ночной мгле, когда температура опускается так низко, что лед начинает искриться на морозе. Краска на фасадах облупляется, а на оконных рамах в дождливую погоду проступают темные капли смолы. Изъяны повсюду: в кондиционерах по весне гнездятся ласточки, на чердаках еноты устраивают себе норки, а в ливневой канализации заводятся змеи. Ничто не стоит на месте, все движется.

Однажды Сохара поссорился с одноклассником. Тот обозвал его ублюдкой и песьим сыном, присвоившим одну из знатнейших фамилий острова без всякого права. Мать спокойно объяснила сыну, что вместе с проблемой возникает и ее решение. Может, дворовая драка и впечатляет, но конфликтовать на маленьком острове не самая удачная мысль. В классе и так не больше десятка учеников. Не говоря уже о том, что на острове нет даже больницы, поэтому шрам на щеке у Сохары останется на всю жизнь.